
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Игорь Лукьянов — русский поэт. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Я б счастливым
назвал этот миг,
Где как будто задетая рана,
Сотрясает
до слез болевых
Золотая страница романа.
Жизнь летит —
то ясна, то мрачна
По накатанной
будто впустую.
Но — любимая обречена...
Но — целует казак
степь родную...

* * *

Под ливнем луговые травы
Вдыхают грозовую высь.
Ударил гром вослед составу —
Два грохота в один слились.
До леса прокатилось эхо.
И обозначил этот миг
Какую-то по жизни вежу,
Которой нету у других...

* * *

Свищет кровь из раны.
Кровью рвет.

Шла в Европе
Мировая драка.
Отравили газом
Русский взвод.
Мертвецы восстав,
Пошли в атаку.
То не миф,
а силою небес —
Русский человек
ломает грани
С божьей правотой наперевес,
Коль не газом,
Так враньем отравлен...

* * *

Кто же я? Кто же я? Кто я?
Считайте, что конь в пальто...
Врубаю четвертую скорость,
Если она — за сто.
В запале, в азарте, в задоре
И светлой густой тишине —
Всюду: мэмэнто мори*,
Как море звучит во мне...

* * *

Что в сердце западет,
То в нем останется —
Сольется с ним,
Как птичий свист в ночи
С мерцаньем звезд
Над бедным полустанком...
Со всем до смерти
Близким и ничьим...

* * *

Вот те
вранью наводят макияж,
А эти из себя
поэтов корчат.
Нахально всюду прет
пиар-монтаж
Рационально-конформистских строчек.
Душе постыл
словесный камуфляж
По части лживой
толерантной спеси.
И худо ей
без честности и чести.

* Лат. Meme'nto mo'ri — помни о смерти.

Душа хрипит,
но это нынче — блажь...

* * *

С детства мила мне
Картина Перова.
Пристальный взгляд
Старика-рыболова.
Снасти расставлены.
Замерший дед.
Что-то усек он
На тихой воде...

* * *

Мы ничего не говорим,
Когда судьба трубит тревогу.
Развеет ветер черный дым
И пыль осядет на дорогу...

* * *

Все можно оспорить.
Приврать, перевернуть.
Героя унижить
И сволочь поднять.
Все можно, все можно.
Во все времена,
Коль правда в почете
И правда... смешна...

УЧЕНИЯ — 1968 ГОД

Армейский привал невелик.
Средь поля затихли моторы.
Вокруг все красно от гвоздик
В июльских
тамбовских просторах.
А мне-то
всего двадцать лет
И брат я
тамбовскому волку.
Дышу, расстегнув гимнастерку,
Цветами отцовских побед.

* * *

*К картине Алексея Саврасова
«Грачи прилетели»*

Зацерковная даль.
Заревые лучи.
Мне оттуда

О чем-то горланят грачи.
Я гляжу —
И души оторвать не могу
От разбросанных веток
На талом снегу...

СОН

Кто в него давний сон этот втюрил,
Где не молод уже, но не стар.
Не приняв даже мизерной рюмки,
Брал он волей своей тротуар.
Где утратив здоровую зрячьсть,
Спотыкался на брезжащий свет
Для бесславья и славы растрочен
Божьей милостью русский поэт...

* * *

Счастлив щедростью
Божьего дара,
Ловишь в руки
искрящийся снег,
Чтоб когда-то,
как лайнер с радара
Вмиг исчезнуть
навечно для всех...

* * *

Вечерний колокольный звон
Внимает дремлющий затон
Одетый в розовый хитон
Заката над лесной горою.
И ничего, и никого
Здесь кроме звона одного
По предкам края моего
И неизвестному герою...

* * *

Дорогу отогрел апрель.
Она, очнувшись в каждой льдинке,
Была, как сумрачный туннель,
Вглубь уходящий до развилки.
Там лес во власти вешних дум
Темнел под вечер притаенно.
И шел по кронам светлый шум...

* * *

Не знал я
отца-исповедника

Пред кем бы
покаяться рад
За споры,
где крик и истерика,
За браки,
где злоба и мат.
За то,
что терял и терялся
В житейском
проклятом дыму.
За все
сквозь чего продирался
Всю жизнь я
к себе самому...

* * *

В миг, когда стою у края
Поля, улицы, горы
Словно явь вдали другая —
Незнакомые миры.
Будто там другие люди,
Пыль и камни, и вода.
Будто там — цветные будни
И цветные города.

* * *

Когда тщеславьем иль корыстью
Порой бываешь искушен ты.
В тебе тотчас раскрепостится
Адама грешная душонка.
Ты с ней до смерти будешь вместе,
Ты б с ней погиб
в бесчестье многом,
Когда б
не чтило кодекс чести
Нутро,
дарованное Богом.

ЗОВ

Тьма спустилась и блеет овца
Из глубин в мрак ушедшего луга.
Словно жалобный зов без лица,
Призывающий брата иль друга.
Этот голос тревожный зовет
Обреченно над ширью сухою.
Будто знает — никто не придет
Сквозь ночное, глухое, чужое...

* * *

Ни друг,
Ни подруга
Ни органы внутренних дел
Тебе не помогут,
Коль нечисть
Творит беспредел.
Коль адовы тучи
Идут на небесную высь.
Но светится Вера,
Но светится Вера Христова —
Молись...

* * *

И мегаполис, и деревня —
Мне все одно.
С каких-то пор
Живут, как мир заботой древней,
И офис, и крестьянский двор.
Живут, чтоб жить.
Живут, чтоб выжить.
Среди ловчил, проныр и выжиг —
Ни прогореть, ни прогадать.
И грустно это понимать.
Когда-то ехали в столицу
С рекомендацией и без,
Чтоб то вздохнуть,
 тем просветиться,
Что не дадут
 ни луг, ни лес,
Ни пруд, ни сельская дорога.
А разговор простой и строгий,
Где много смысла, мало слов
И мудрый взгляд из-под очков.
Культуры соль. Где эти люди?
Затмил их рыночный бедлам —
Разбой, реклама, курс валюты
С базарным шиком пополам...

ОМУТЫ (шуточное)

Омут страсти —
 муки, хлопоты.
Стали белыми виски.
И дороже стали омуты —
Где лещи и судаки.

* * *

Старею, старею —
Все меньше родни.
Где были десятки,
Теперь единицы.
Верни же мне память
Заветные дни —
Такие далекие —
Близкие лица.
Верни мне из детства
Сияющий шквал
Счастливых минут
Мной утраченной были.
Вот дядя Митяй —
С ним я книги читал.
Вот дядя Андрей —
С ним лещей мы ловили.
Без точки опоры
Не выйти вперед.
Не стать ни умней,
Ни сильней,
Ни добрее.
Все будет по делу,
Коль в детстве везет
На дядей митяев,
На дядей андреев.

* * *

Они как будто бы эскизы —
То к радости, а то к суду —
Какие-то моменты жизни,
Объединенные в судьбу.
Они блестят, шумят и дышат
Из ясных дней, из мглы ночной,
Где я унижен
 иль возвышен,
Но честен пред самим собой.

* * *

Не надо объяснять стихи поэта —
К чему филологический расклад,
Коль нету им сердечного ответа
В твоей душе — впопад и невпопад.
Ни Данте, ни Шекспир,
Ни Пушкин, ни Есенин
Не изменили мир.
И в силе — зло и кровь.
Но в строчках дождь идет
Осенний иль весенний —
И в этих струях — боль
И радость и любовь...

Валерий Демидов
(г. Тула)

PERSONALIA

Родился 17 мая 1948 года в г. Болохово Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет ТГПИ им. Л. Н. Толстого. Трудился рабочим, преподавал. Более 10 лет работал в ряде газет Тульской области. Член Союза журналистов СССР. Печатается в журналах и альманахах. Автор двух книг и альбома с песнями на свои стихи.

БАЯНИСТ

Он по клавишам черно-белым
Сверху вниз пробежал рукой,
Да меха развел между делом,
Чтобы песня лилась рекой.

Будто в танце мелькают пальцы
И нога отбивает такт.
Коль попросят — сыграет вальсы
Пожилой баянист-мастак.

А баян в перламутре — тульский,
Да душа казюкам сродни.
Нет мелодий плохих и тусклых —
Задушевные все они.

То аккордов широкая поступь,
То стаккато пчелиный рой,—
Нет играть хорошо — непросто,
Даже трудно бывает порой.

Баяниста улыбка красит,
Но, бывает, закусит губу —
И тогда уже кончен праздник,
Коль рассказывает про судьбу.

Музыканта приятно слушать,
На него и смотреть легко,
Он умеет затронуть души
Или их зажечь юморком.

Он — магистр минорных распевов,
Вариаций мажорных спец.
Баянист, видно, знает дело —
Он и пьяница, и купец,

И влюбленный, и скромный парень,
И гуляка — только держись!
Он с баяном в красивой паре
Нам дарует музыку-жизнь...

Вспоминаю, как в детстве далеком
Постигал красоту бытия
На своих музыкальных уроках
Еще нравственно чистый я...

БОЛЬ

Я знаю боль. Она во мне так часто
сжимает сердце, напрягает плоть,
что, кажется, умру я без причастья,
не в силах эту боль перебороть.

Она вонзает в душу свое жало,
и струны-нервы стонут и кричат...
Но боль не знает, что такое жалость,
и мне напоминает палача.

В такие дни обычно снится детство,
где я бегу тропинкою к реке,—
но мне от боли никуда не деться,
войдя в нее, как самолет в пике.

Мне боль напоминает, что я смертен,
что краток жизни неизвестный путь,
и я уже устал идти, поверьте,
и хочется в покое отдохнуть.

Но всякий раз, когда со мной такое,
когда душа и плоть мои скорбят,
я вспоминаю, Боже, о покое,
который истекает от Тебя.

И боль уходит, заживают раны,
и в этих испытаниях судьбы
я понимаю, что еще мне рано
сходить с дороги веры и борьбы.

БОЛЬШОЙ ДОМ

Он — как корабль, по улице плывущий,
а девять этажей — девятый вал,
и всякий, в этом здании живущий,
едва своих соседей узнавал.

Пожалуй, разместится в нем деревня
дворов на двести — больше не войдет,
да только ни юнец, ни старец древний
жить в этот улей вряд ли и пойдет.

Здесь все удобства, туалет и ванна.
На лифте вниз — и вот он, магазин.
Встать не надо с мягкого дивана,
чтобы нести в закуту груз корзин.

А вид с балкона — люди и машины,
кругом дома, дороги и ларьки...
Нет, этот город с обликом мышиным —
совсем не то, что видят моряки.

Сплошь суета. А стрессы и проблемы?
То нет воды, то вновь сломался лифт,
то раздражают городские темы,
то нитевидный в раковине слив...

Зачем же жизнь нас собирает в стаи?
И почему в нас больше плоть жива?
В больших домах мы как-то мельче стали
и научились лучше выживать.

И вряд ли кто покинет дом и город,
где паутина всяческих услуг.
Но без земли мы ощущаем голод,
становимся ордой цивильных слуг.

В своих квартирах, будто бы в вольерах,
мы продолжаем жизни роль играть...
Здесь, в душном доме, я, седой Валера,
готовлюсь потихоньку умирать.

В ТУЛЬСКОМ ПАРКЕ

Осенний парк — поэзия природы.
Здесь злато листьев щедро правит бал.
Я словно бы присутствую при родах
Прекрасного, что дарит мне судьба.

Шуршит листва, щебечут мило птицы,
Укрыли солнце тучи-корабли,

И хочется на травы опуститься,
Чтоб силы взять у матушки-земли.

Бегут по веткам белки-озорницы,
В скворечне что-то делят воробьи...
Душа зовет природе поклониться
И сбросить, как листву, грехи свои.

Я в «бабье лето» снова молодею,
И кажется, что осень — это шаг
К той вечности, в которой не седеют,
Где во Христе спасается душа.

ДУША

Душа — не маятник часов,
Ей не присуща соразмерность,
То вспыхнет от горячих слов,
То потеряет свою верность.

Она бывает то нежна,
То растревожена слезами,
И вечно в поисках она
Того, что не познать глазами.

Душа всегда полна забот,
И, недовольная собою,
Бросает за житейский борт
Все неприятности и боли.

Но вновь грехом окружена,
Опять душа смиренья просит,
И покаяния волна
Ее сомнения уносит.

Она незримо рвется ввысь,
Ей мало места в плотском теле,
И вот уже иная мысль
Ее земную сущность делит...

Две ипостаси у Христа —
Божественная и человечья.
Вот и душа стремится стать
Достойной для ухода в вечность.

ЛЕВАЯ НОГА

*(Посвящается Владимиру Тарунтаеву,
Художнику-инвалиду)*

Гомер писал стихи, но был слепой.
Глухой Бетховен дал нам чудо-звуки.

А в наши дни кисть левою ногой
художник держит — непослушны руки.

Диагноз — ДЦП. Он инвалид.
Но, милый мой Володя Тарунтаев,
хотя изломанное тело и болит,
а сила жить твоя — почти святая!

Как много тех, кто пребывает в дреме,
хотя здоровы и устроен быт.
«Второй Левша»,— считает Федор Демин,
на костылях идя по полю битв.

Один — туляк, другой живет в Крапивне.
Обоих мучит тягостный недуг.
Но как полны полотна смыслом дивным,
как высоко парит их сильный дух!..

Мне нравятся картины, где Володя
беременность нагую показал:
от женщин будто истина исходит
и нежностью заполнены глаза.

Вот холст с природой — местом вдохновенья.
Деревня, где убогие дома...
Мазки, штрихи — все требует терпенья,
а рядом смотрит любящая мать.

Потом нога устало на пол ляжет —
больные руки продолжают пляс...
Твой труд, Володя, нужен нам и важен —
он радует и исцеляет нас.

Не зря зовут Россию — Русь святая.
Ей даровал Господь небесный Дух.
Гомер. Бетховен. Демин. Тарунтаев...
В их душах все — и зрение, и слух.

МАМЫ НЕ УМИРАЮТ

Не умирают наши мамы —
Они лишь покидают дом
И воспаряют в Божьи храмы,
И снятся по ночам потом.

Они берут с собой печали
Земных болезней и тревог,
И смерть их будто бы венчает
Пути, которыми вел Бог.

Они теперь для нас — как звезды,
И светит каждая с небес
В дома, где ими свиты гнезда
Любви к другим, а не к себе.

Не умирают наши мамы —
Они всегда живут в сердцах,
Но материнской ласки мало
Нам от рожденья до конца.

И если кто-то скажет грустно:
«Нет мамы. Мама умерла...»,—
Он верит лишь обрядам русским
И яме той, что мать взяла.

Но есть невидимые нити,
Есть тайный мир духовных чакр,
Где грубый мир земных событий
Господь бросает в Свой очаг.

Кому в огне гореть — не знаю,
Кому в аду сходить с ума
Иль очищать себя признаньем,—
Но там не будет наших мам.

И с Богородицей Пречистой
Они пойдут в небесный рай,
И скажет свет их глаз лучистых,
Что не дано им умирать.

Ольга Борисова
(г. Самара)

PERSONALIA

Поэтесса, переводчица поэзии с болгарского, французского, финского и английского языков. Член союза профессиональных литераторов России, член Российского союза писателей, специальный корреспондент. Автор двух книг «Как мимолетен день» и «Отражение». Победитель и призер международных поэтических конкурсов. Есть публикации в российских и зарубежных журналах.

НАПУТСТВИЕ

«Возьми свой посох и иди!..»

М. Волошин, «Пустыня»

Все пропусти через сознание
И за мечтой своей иди!
Открытий много впереди.
Внимай! И через созерцанье
В простом — великое найди.
Как много нам дала природа!
Устроен мудро дольний мир:
Под полусферой небосвода
Сплетают звезды хороводы
И сеют бледный свет в эфир.
В нем — ты и я, и все живое:
И радость с грустью, и тоской,
И все — за день пережитое,
И волшебство в нем вековое,
И удивительный покой.
А завтра множество открытий
Тебе подарит новый день.
Богатый чередой событий,
Они запутаны, как нити,
И на пути встает их тень...
Ты посох взял, ну что ж — иди!

КИММЕРИЯ

«...Земля утерянных богов!»

М. Волошин «Киммерийская весна»

Святою волею хранима
Земля скалистых берегов.
Ты под крылами Серафима
Моих не чувствуешь шагов.
Затеряна в песках зыбучих,
На берегах шальных морей.
А над тобою реют тучи,
Армады грозных кораблей.
Они плывут по глади синей,
Расправив гордо паруса,
Покружат над морской пустыней
И вновь умчатся в небеса.
Каких богов, земля святая,
Ты на груди хранишь следы?
И кто, с небес на нас взирая,
С укором смотрит с высоты?
В прогулках к морю ежедневных —
Немолчных волн я слышу стон.
И вижу лики в водах пенных,
И розы каменный бутон.

ВРЕМЯ

«Вы слышите, как бежит время?»

Бек Фархад «Нарисованное сердце»

Вяжет время нити буден
Стрелки счет ведут годам...
Бьют удары, словно в бубен,
Днем и ночью: там... там... там...

Час... Минута... Время вечно.
И не властны мы над ним...
И когда-то в бесконечность,
Словно птицы, улетим.

* * *

Плещется солнце — оранжевый шар,
В море бока оmyвает.
Сеет мерцанье сквозь дымку стожар,
Тускло закат догорает.

Все это было... И будет не раз...
Канем и мы в воды Леты...
Может, нашепчут нам звезды сейчас
Скрытые небом секреты ...

ЛЕС В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ...

Лес в ожидании весны
Стоит прозрачный, молчаливый,
Лишь ветер стонет сиротливый
Средь пустоты и тишины.

И талою струей вода
Сбегает весело с пригорка,
И пролетает ворон зоркий,
Спеша неведомо куда.

Бреду извилистой тропой:
Струится свет сквозь ветви бледный,
И снега островок последний
Лежит в лощине голубой.

Еще природы грустен вид,
Еще деревья дремлют сладко,
А с небосклона луч украдкой
Верхушки сосен золотит.

БРЕДУ ПО МОКРОЙ МОСТОВОЙ...

«Я быть устал среди людей...»

М. Волошин

Бреду по мокрой мостовой.
Как неприветлив тусклый город!
Усталый, серый, чуть живой.
Его пронзает дождь и холод.

Скитаюсь я среди людей,
Промокшая, для всех — чужая...
Среди примолкших площадей
Свой путь несмело продолжаю.

И что ищу? Что нужно мне?
Куда иду сквозь дождь упрямо?
Блеснувший лучик в вышине
Мне показал дорогу... К храму!

СУДЬБА

*«...Два солнца стынут,— о Господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди».*

Марина Цветаева

Путями трудными по жизни
Судьба вела меня вперед.
Печальным дням шел свой черед,

И мне казалось, что я лишний
На бренной суетной земле
И пепел на ее челе.

И скоро пепел тот смахнут,
И в мире будет все, как прежде...
Меня же, в нищенской одежде,
Введут к Всевышнему на суд.
Судья верховный будет строг
И подведет делам итог.

Склонюсь пред ним, потупив взгляд.
Отвечу что-то в оправданье,
Пролепечу о сострадании,
Быть может, нищенку простят?
Горело солнце ведь в груди!
И согревало всех в пути...

МОЛИТВА

*«Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь»*

Ф. Сологуб

Земля моя, святая Русь!
Люблю твои поля, просторы.
И золоченые соборы,
В которых истово молюсь.
Пусть Русь живет во все века!
Прошу тебя всечасно, Боже.
Нет для меня страны дороже,
Моя любовь к ней велика.
Пусть держит гордо щит и меч.
Не дай ей быть рабой в неволе,
А венценосной на престоле,
Чтоб в ней все русское сберечь!

ПИСЬМО

Март, 12, Лиозно, 1943 год.*

Папулечка! С немецкой я неволи
пишу письмо. Вложу его в конверт.
Запрячу в печке весточку о доле...
Тебе прощальный, папенька, привет!
Пятнадцать мне исполнилось сегодня.
А сколько натерпелась бед в плену!
Но даже в этой мрачной преисподней
былое вспоминаю до минут...

* Лиозно — это городок в Витебской области, в Белоруссии. Материал взят из документальной книги «Говорят погибшие герои».

Как весело встречали дни рожденья,
Как пели мы с тобою в унисон.
Читала наизусть стихотворенья,
а гости танцевали вальс-бостон...

Ну, а сейчас я на скелет похожа.
На шее номер, платье в лоскутах.
Спина в рубцах. Обветренная кожа.
И кровь спеклась на тоненьких устах.
Рабынею у Шерлона-барона.
Работаю из сил последних я.
А ем с корыта с Розою и Ноной:
«Русс был и будет грязная свинья!»
И убегала много раз из плена,
но дворник возвращал меня опять.
За наказаньем — голод шел на смену.
Теперь мне больше нечего терять...
А маму не ищи — убили звери,
когда узнать пытались о тебе.
Хлестали по лицу, словам не веря,
И застрелили в нашей же избе.

Сегодня сообщили весть плохую,
Что увезут в Германию меня.
Не вынести мне долюшку лихую!
Не встретить мне и завтрашнего дня.
Не стану прозябать я на чужбине —
Уж лучше смерть в родимой стороне...
Прощай, мой добрый папенька! — Отныне,
Громи фашистов, помня обо мне!

Я верю, что отыщется конверт,
Когда-нибудь прочтешь ты мой привет...

«Дорогой, добрый папенька! Пишу я тебе письмо из немецкой неволи. Когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе, отец: покарай немецких кровопийц. Это завещание твоей умирающей дочери...»
Письмо, написанное Катей Сусаниной отцу, было найдено в 1944 году, при разборе разрушенной печки, в одном из домов города Лиозно. Отданная в рабство немецкому помещику, доведенная до отчаяния, в день своего пятнадцатилетия, девочка решила покончить с жизнью.

На конверте детским почерком было крупно написано: «Дорогие дяденьки или тетеньки, кто найдет это спрятанное от немцев письмо, умоляю вас, опустите сразу в почтовый ящик. Мой труп уже будет висеть на веревке». Номер полевой почты на конверте устарел, и письмо опубликовали в газете «Комсомольская правда» 27 мая 1944 года.

Николай Макаров
(г. Тула)

ПАРОДИЙНЫЕ СТИХОСПЛЕТЕНИЯ

*Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*

Ржавел закат, ржавели ружья,
Не ржали жеребцы в ржаных хлебах,
Простужен Ржевский и контужен...
Но не ржавеет молодость в сердцах.

Пока я с низкого готов сорваться старта
И финиш стометровки разорвать,
Пока в груди моей бушуют страсти —
На Волгу-мать и начихать, и наплевать...

И все же доказала нам наука —
За что, когда и почему
Аборигены съели Кука:
Звонок из ГУКа,
И нету Кука.

Ножки Буша
Хуже,
От дохлого осла чем уши.

Динозавры вымерли,
Мамонты — тоже...
На очереди следующий:
Кто же?

Как тыщи лет назад,
Ведь может не помочь и Арарат.

Хоть там стоит и ныне воз...
Но без груза, без оглобель, без колес!
А кто унес?

Я помолюсь.
Я не боюсь,
Когда за правду я дерусь!
И ты не трусь!
За нами — Русь!

Государство — это я!
А если без царя
Под шапкой голова твоя?

В чаше
Чаще
Пейте чай —
В чаше воздух чище.
Теще
Чашку
Чая дай —
Соловьем она засвищет.

В цирке Рыжий — хорошо,
У рубильника же — плохо.

И мы не лаптем щи хлебаем —
В сельпо галоши завезли...

Я достаю из широких штанин
И прячу в карманы пиджачные:
Теперь зачатки я — господин!
Жене же — бумаги рулончик наждачный.

Я вышел из народа весь
Чуть-чуть попить, чуть-чуть поесть.
Народ же ринулся за мной,
Сожрать готовый шар земной.

Предел голубых мечтаний:
Потомство делать почкованьем.

Мы зашпакуем, заштрихуем, замалюем —
В гробу сойдете вы за мумию живую.

Неужели?
Неужели?
Все «шедевры» Церетели
Утонули и сгорели?

Недолго музыка играла —
«Фанеры» очередь настала.

О, времена! О, нравы!
Подать уж некому отравы...

Земли пуп —
И туп,
И глуп...
Но — пуп!

Хотел попасть я на Парнас —
Пропал Пегас...
И Муза задурила —
С соседом изменила.
И при том, и при этом —
Как же трудно быть поэтом.

Беспечен
Настанет вечер
И наше Вече
Решит, что человеке —
Не вечен,
И по плечи
Короче сделает его при свечах.

И пень
Навел бы тень
На этот долбанный плетень,
Но лень...

А мир без песен
Тесен,
Не интересен,
Мракобесен,
Бесполезен,
Пресен...
Без песен.

Не Цицерон
Попал в ООН,
А пустозвон...

У кассы? Где куем железо?
Это — деза!

Поэтом можешь ты не быть!
Про все — забыть!
Перекурить...
И вновь... бессмертное родить.

На Прокрустовом ложе
До дрожи
Все равны и все похожи:
Будь ты вельможей,
Простым прохожим,

Любого цвета кожи,
По длине — все схожи...
О, Боже!

Раздался стон
И возглас: «Вон!
Едрен-Батон!»
Шалунчик Купидон
Попал не в тот вагон.

Если ты ходил к Венере,
То в полной мере
Познаешь радость в диспансере.

У Лукоморья дуб спили,
Вишневый сад в кострах сожгли,
Без тополей стоит Плющиха...
А Гринпис почему молчит?

Без страха рыцарь и упрека.
Но ближе рассмотрев его:
Кругом одна, одна лишь ж...
И больше нету ничего.

Я волком бы выгрыз бюрократизм,
Но зубы — давно в стакане...
А вместо жизни — сплошной онанизм,
Кто же поднимет Знамя?

Встанешь утром рано-рано.
На стене висит Ильич...
Тяжело в деревне без нагана —
В кобуру сую кирпич.

Я букву сочиню другую,
Какой нет в нашем букваре,
И песню пропою иную,
Как незабудки расцветают в январе.

Отпустите меня в Гималаи —
Я с землею сравню их.
И в других я местах побываю —
Есть «подарки» не хуже для них.

Стая напильников мимо промчалась —
Им надоело в Москве куковать,
А над Парижем фанера смеялась:
— Я покажу им их... Кузькину мать.

У каждого — «клиника»
И каждого клинит.

Но клинит каждого по-разному.
А может, изменился климат,
И «клиника» стала болезнью заразной?

Дуракам закон не писан —
Истина глаголет.
Но дурак законы пишет
И собой весьма доволен.
Мозги текли и утекали,
Асфальт под солнцем тоже тек...
На западе мозги лишь ваши ждали,
А вас самих — асфальтовый каток.

Надои, мясо, урожай
В своем хозяйстве умножай.

Не выгашить за кудри из болота
Бегемота.

Фанеры время час настал...
А люди гибнут за металл.

Силиконом груди встали —
Они из стали
Как будто стали.

Если сел ты на ужа —
Вспомни тут же про ежа.
Ведь ужи же —
Не ежи же:
У ужей колючки жиже.

В набат!
Комбат!
Как Пересвет,
России возроди рассвет...

Сергей Редков
(г. Тула)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редков Сергей Александрович родился в Туле в 1978 году. В 2005 окончил Московский Государственный Университет Культуры и Искусств (МГУКИ). Литературным творчеством увлекся в 2009 году. С 2010 года участник музейно-литературного объединения «Муза». Стихи и проза автора были напечатаны в газете «Тульский литератор», в журналах «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), в альманахах «Иван-озеро», «Порог-АК» (Украина), «Литературная Тула», «День Тульской поэзии». В 2011 году стал обладателем гран-при конкурса «Мой Пушкин». Является автором нескольких поэтических сборников.

Вдалеке, заплетаясь косою,
Серебрится под небом река.
И звенит на травинке росой
Ветерок, загулявший слегка.

Он срывает с долин одеяло,
Разгоня пушистый туман.
И заря, что над миром сияет,
Прячет звезды в небесный карман.

Над широким невспаханном полем
Разгорается алый восток.
Забывается грусть поневоле,
Разливается в сердце восторг.

Всей душою люблю это поле!
Но достоин ответа лишь тот,
Кто, собрав свои силы и волю,
Поутру его сеять идет.

Кто без этих равнин бирюзовых
Ни минуты не сможет прожить.
Ведь любовь к нашим пашням и селам
Еще надо, мой друг, заслужить.

ВИШНЯ

Играет солнце в кроне пышной,
Роса похожа на слезу:
В моем саду созрела вишня —
Срываю и кладу на зуб.

«Кисла, как Русь, — пишу в тетрадке, —
Но витаминов — ряд сплошной...»
Я так привык к бананам сладким,
Что позабыл про вкус родной,

Что стал необъяснимо падким
На всякий иноземный плод.
«Сладка, как Русь, — пишу в тетрадке, —
Хоть иногда и вяжет рот...»

ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ

С самых ранних, самых нежных лет
Полюбился мне зеленый цвет.

Помню, я в кроватке, года два,
А в окне — зеленая листва.
Чуть подрос, и вижу — чудеса! —
Надо мною, зонтиком, леса.
Время шло, и мне почти что пять.
Вышел за деревню погулять.
Разбегаюсь, пятками пыли,
А вокруг — зеленые поля!

И тогда я понял: «Нет милей
Зеленеющей земли моей».

* * *

С высоты седьмого этажа
виден город,
пыльный горизонт...

Выходной,
и я хочу сбежать.
Взять воды,
на всякий случай, зонт,
и — в поля!

Как в детстве, утонуть
в глубине ромашковых морей.
А под вечер на траве уснуть
на манер индейцев и зверей.

И прийти домой, когда темно.
И подумать тихо про себя:
«Боже!
Как приятно и умно
для людей
 устроена
 Земля».

РОДНОЕ СОЛНЦЕ

Солнце над Лондоном,
 Бергенем,
 Краковом
Светит и греет
 почти одинаково —
День возвещает
 небесным гонцом.
Я же люблю,
 угощением лакомым,
Снегом сверкающий вечером маковым,
Солнечный свет
 над родимым крыльцом.

Если судьба приготовит нелегкие
Дни испытаний,
 дороги далекие —
Встречу я все
 со спокойным лицом.
Лишь бы,
 как прежде,
 лучами широкими,
Мне улыбался в часы одинокие
Солнечный свет
 над любимым крыльцом.

